

ОДИССЕЯ БУЛГАРИНА

В 1846 г. увидели свет первые части «Воспоминаний» Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859) — воспоминаний,¹ опубликованных автором *при жизни*, что незамедлительно было квалифицировано недоброжелательной критикой как обстоятельство столько же закономерное, сколь и этически сомнительное — учитывая личность и репутацию их создателя. В полемических схватках 1840-х годов — самой напряженной и «решительной» эпохи становления русского реализма — начатый Булгариным труд оценивался, преимущественно, не как итог колоссальной по объему, более чем двадцатипятилетней деятельности писателя и журналиста, но как несомненное свидетельство падения того явления, которое символизировал собой Булгарин: откровенной приоритетности идеологии по отношению к художественному творчеству; ловкой «посредственности» сравнительно со скромным, но действительным талантом; так называемых «тактических» целей — над этикой журналиста, что допускало и политическое доношение — факт биографии Булгарина, о котором стало известно современникам уже в конце 1820-х годов².

В.Г. Белинский, начиная направленную против книги Булгарина обширную статью, задался вопросом, иронический подтекст которого почти полностью исчез сегодня: «Не в ней ли разгадка многих его действий, которые до сей поры казались темными? Не в ней ли ключ к целой жизни г. Булгарина, которая... подвергалась доньше таким странным толкованиям <...>?» Непримиримо настроенный по отношению к булгаринскому наследию критик оказывался ближе к другому полюсу исторической истины, когда писал: «...в «Воспоминаниях» г. Булгарина видели мы не просто обыкновенную книгу, каких довольно наплотил он в русской литературе в продолжение своего долгого и блестящего поприща, но что-то гораздо важнее»³.

¹ Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 1 — 6; 1846—1849.

² См.: Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978. С.180.

³ Белинский В.Г. Поли. собр. соч.: В 13 т. Т. IX. М., 1955. С. 613.

С иных оценочных позиций подходили к нравоописаниям Булгарина те читатели-современники, которые ожидали от литературы, чтобы их жизнь была «увидена», «услышана» и «пересказана» без ссылок на «высшие истины», утверждающие бытийно равнозначимыми блестящий и скромный уделы жизни, и не в духе писателей-гуманистов, превративших объект своего сочувствия в подобие «насекомого», выставляемого на обозрение в качестве олицетворенного упрека обществу, погрязшему в «бесчеловечье». Если бы на месте Девушкина, героя дебютного романа Достоевского «Бедные люди», появившегося в том же году, что и итоговая книга Булгарина, вдруг оказался специфический «булгаринский» герой, — он, очевидно, принес бы с собой еще один, *свой* идеал литературы, свой вариант заступничества за «маленького» (у Булгарина — «среднего») человека.

Булгаринский герой — это человек, ищущий в повествовании о себе многочисленных отражений, «тиражирований» собственной жизни и судьбы. Сам факт воспроизведения, словесного запечатления становится удостоверением значимости определенного ему судьбой жизненного удела.

В стремлении изобличить беспомощность повествовательной манеры Булгарина отсылками к суровым откликам критиков-современников, Белинский сам же и выявляет характеристические черты булгаринского стиля, отразившиеся в равной мере и в его художественно-очерковой прозе, и в журналистских фельетонах, и в материалах руководимых им печатных органов. Безоценочный и словно бы безотчетный эмпиризм¹ этого стиля воспринимался как отображение определенной концепции действительности, где идеальное и бытовое срачивались в «наличной» целостности, в плотности сочетаний «внеш-

¹ Применительно к Булгарину понятие «эмпиризм» не обязательно воспринималось негативно. Осуждая цинический «эмпиризм» Сенковского (Барона Брамбеуса), НА Полевой, например, обращался, как к единомышленнику, к Булгарину (письмо от 2 апреля 1838 г. — Русская старина. 1896. № 6. С. 568). Со своей стороны, Л.С. Грибоедов, усмотрев в «Сиротке» (как именовал он «Ивана Выжигина») черты натуралистического стиля, высказал живое сочувствие «картине человечества», нарисованной Булгариным: «1-я глава твоей Сиротки так с природы списана, что... невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с кудлашкой. <...> Как это смешно, и жалко, и справедливо...» (Грибоедов А.С. Соч. М., 1953. С. 557). Такой эмпиризм смыкался с «антипатетическим» словом плутовского романа, но не оборачивался «как бы вовсе безакцентным, сухим осведомительным словом», присущим данному жанру (Бахтин ММ. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С.217.219).

цего» и «внутреннего», «лицевой стороны» и «изнанки» (как это *бывает в жизни*), в двуединстве видимых и скрытых, но одинаково «существенных» подробностей. Приведенные в статье Белинского красноречивые примеры демонстрируют точку зрения «из публики», которая воспринимает в окружающем лишь ей доступное (и в этом смысле — ценное), определяя данным качеством и жизненность высшего искусства.